

УДК 330.101.541, 330.43

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ПО ЭКОНОМИКЕ ЗА 2011 г.: РЕВЕРАНС В СТОРОНУ ФИНАНСОВОГО СООБЩЕСТВА США

© 2012 г. **В.С. Васильев***

Институт США и Канады РАН, Москва

В статье анализируются научная значимость и идеологические аспекты присуждения Нобелевской премии по экономике за 2011 г. американским профессорам Т. Саргенту и К. Симсу. Делается общий вывод о том, что идеологические соображения явно доминировали над вкладом этих экономистов в развитие научных знаний и имели своей целью «реабилитацию» мирового финансового сообщества в глазах широкой общественности после финансовых потрясений 2007–2009 годов.

Ключевые слова: *Нобелевская премия по экономике, монетарная политика, фискальная политика, эконометрические и математические методы, государственный долг.*

Присуждение нобелевских премий по экономике в последнее время вызывает много нареканий как со стороны академических кругов, так и широкой общественности развитых стран. Причина этого предельно проста – мировая экономика начиная примерно с 2007 г. переживает колоссальные потрясения, которые крайне болезненно сказались на благосостоянии и материальном положении сотен миллионов людей. В условиях, когда «свет в конце тоннеля» в общем и целом ещё не просматривается, в мировом сообществе растёт интерес к путям и средствам выхода из финансово-экономических затруднений, которые – теоретически – и должны предложить ведущие представители мировой экономической науки, номинируемые на Нобелевскую премию по экономике, которая считается высшей наградой за фундаментальный вклад в развитие этой научной дисциплины. Тем не менее, за последние 5 лет ничего сколь-нибудь «внятного и членораздельного» от Шведской академии наук мировая общественность так и не услышала – по сути, за годы мирового финансово-экономического кризиса в общественном сознании и в государственной политике ведущих стран мира планы, идеи и наработки экономистов, удостоенных Нобелевской премии, отражения не нашли.

* **Васильев Владимир Сергеевич** – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИСКРАН.

В этой связи в последнее время всё чаще вспоминают политические скандалы, которые в своё время сопровождали присуждение нобелевских премий по экономике Ф. Хайеку (1974 г.), М. Фридману (1976 г.), Дж. Нешу (1994 г.) и П. Кругману (2008 г.). В декабре 1974 г. не кто иной, как сам Ф. Хайек выступил категорически против учреждения и присуждения нобелевских премий по экономике как таковых, мотивируя это тем, что эта премия по своей сути является не научной, а идеологической – и таковой она будет оставаться всегда. Дословно он заявил: «Нобелевская премия наделяет номинанта таким авторитетом, которым в экономической науке не должен обладать ни один её представитель. В естественных науках этого не происходит. В них авторитет учёного проявляет себя главным образом во влиянии на его коллег – узких специалистов; и они очень быстро смогут “поставить его на место”, как только он начнёт злоупотреблять им» [4].

В прошлом, в 1970-е и 1980-е годы, премия присуждалась, в основном, экономистам – представителям неоклассической школы, которую можно было рассматривать в качестве официальной «западной» ортодоксальной школы экономической мысли, противостоящей марксистской политэкономии и левым экономическим течениям. С начала 1990-х годов всё большая часть западных экономистов стала приходить к выводу, что, по сути, Нобелевская премия по экономике превратилась в *премию Шведского центрального банка*^{*}, присуждаемую *экономистам-монетаристам*, «обслуживающим» интересы или выполняющим социальные заказы банковского сектора и мирового финансового сообщества. Присуждение Нобелевской премии по экономике в 2011 г. профессору Нью-Йоркского университета Т. Саргенту (1943 г. рождения) и профессору Принстонского университета К. Симсу (1942 г. рождения) является «классическим» примером именно такого рода премии.

Мировой финансово-экономический кризис и эконометрическое моделирование

Для понимания истоков и глубинных причин, побудивших в 2011 г. Нобелевский комитет присудить премию по экономике именно этим двум американским экономистам, следует исходить из основополагающих заявлений 2008 и 2010 гг. бывшего председателя ФРС США А. Гринспена, считающегося главным виновником мирового финансово-экономического кризиса, разразившегося в 2007 г., о том, что одной из важнейших его причин явился **полный провал** прогностических макроэкономических эконометрических моделей, которые использовались финансовыми институтами США, в том числе ФРС, для диагностирования текущего и будущего состояния финансовых рынков и всей экономики в целом^{**}. Не будет преувеличением сказать, что финансовые потрясения 2007–2008 гг., особенно крах банка «Леман Бразерс» в середине сентября 2008 г., свалились на американских финансистов и политиков как «снег

^{*} В частности, в 2010 г. шведский экономист П. Содербаум прямо предложил переименовать Нобелевскую премию по экономике в «Экономическую премию Шведского банка по неоклассической теории и идеологии» [17].

^{**} Более подробно см.: [2, с. 6].

на голову». Как указал американский публицист А. Соркин, «с течением времени на Уолл-стрит полностью уверовали в то, что его новые финансовые продукты – ипотечные кредиты, которые “нарезались” и “разрезались”, иными словами обеспечивались ценными бумагами – резко уменьшили, или даже сняли вообще проблему риска – риска финансовых катастроф.

Но самый большой риск проистекал от невиданной до сих пор фантастической взаимосвязанности финансовых институтов страны. В результате того, что банки отныне располагали множеством разрозненных элементов этой новой конфигурации финансовых инструментов, каждая финансовая фирма полностью зависела от всех остальных – и многие даже не подозревали об этой принципиально новой ситуации на финансовых рынках. И банкротство одной фирмы могло спровоцировать серии падающих финансовых домино [19, р. 5].

Эта пространная цитата имеет самое непосредственное отношение и к новоиспечённым лауреатам Нобелевской премии, и к разработанному ими инструментарию прогнозирования ситуации как на макроэкономическом уровне, так и на уровне финансовых рынков. Автор этих строк в прошлом неоднократно указывал на то, что научные заключения-экспертизы Нобелевского комитета по премиям в области экономики последнего времени носят достаточно путанный характер и не дают адекватного представления о значении вклада в прогресс экономических знаний исследователей, удостоенных этой премией [1]. Это в полной мере относится и к научному заключению о трудах Т. Саржента и К. Симса.

Многие прямо признавались мне, что не понимают, за что была присуждена нобелевка 2011 г. двум американским профессорам. В этом же положении оказалась не только широкая общественность, проявляющая интерес к работам ведущих авторитетов в области экономической мысли, но и – как это не парадоксально звучит – сами новоиспечённые лауреаты, которые, если судить по их получасовому совместному интервью представителю Нобелевского комитета Адаму Смиту* в декабре 2011 г. в Стокгольме во время церемонии вручения премии, мучительно – и, на мой взгляд, безуспешно – пытались объяснить, какие их наработки и результаты исследований заслуживают столь высокой оценки и награды [28].

В сообщениях мировых СМИ о присуждении Нобелевской премии по экономике за 2011 г. говорилось, что **она присуждена двум экономистам, разработавшим эконометрические модели прогнозирования финансово-экономических кризисов и успешно его предсказавшим**. И вот тут-то и вскрылась вся неблагоприятная подоплёка премии за 2011 г.: ведь «все знали», что главными экономистами, спрогнозировавшими мировой финансово-экономический кризис, были профессор Нью-Йоркского университета Н. Рубини и профессор Йельского университета Р. Шиллер (последнего, кстати, прочили в лауреаты Нобелевской премии за 2011 г.). О Т. Сарженте и К. Симсе до октября 2011 г. никто и «слыхом не слыхивал».

* Надо отдать должное Нобелевскому комитету: хоть по этому параметру он оказался на уровне мировых стандартов.

О прогностических способностях К. Симса лучше всего свидетельствует интервью, данное им в апреле 2007 г. изданию «Регион», но опубликованном Федеральным резервным банком г. Миннеаполиса 1 июня 2007 г. (кризис на рынке ипотечного кредитования разразился в августе). Согласно высказываниям К. Симса, «экономисты не должны слишком сильно полагаться на теорию, поскольку большая часть теоретических предположений является недостоверной: “Используйте предположения, вытекающие из ‘теории’, которая в ряде случаев просто означает интуицию, как можно реже» [20].

И далее: «В американском макроэкономическом сообществе существует немало людей, которые не проявляют интереса к этой проблематике и более того – относятся к ней с некоторым пренебрежением. Она является очень технически сложной, требующей весьма подготовленного с математической точки зрения персонала, которой значительная часть макроэкономистов просто не владеет... Эта ситуация вокруг моих разработок сложилась довольно давно, и она является частью социологии и политики моих профессиональных занятий. И я поэтому не могу с точностью предсказать, как сложится их дальнейшая судьба (выделено мною. – В.В.)» [20].

Шедевр прогностических способностей эконометрика К. Симса сам по себе заслуживает если не Нобелевской, то во всяком случае премии по отдельной номинации. А тут ещё откуда ни возьмись какой-то там мировой финансовый кризис, как гром среди ясного неба, – со всех сторон мешают, просто не дают развивать науку, и этим всё сказано!

Этот экскурс потребовался нам для того, чтобы дать предельно чёткий диагноз «алхимических манипуляций» Нобелевского комитета, вернее Центрального банка Швеции, «грудью» вставшего на защиту «чести и достоинства» мирового финансового сообщества. Кто-то провалился с прогнозированием мировых финансово-экономических катаклизмов?! Да не те методики прогнозирования использовал! Внедряйте модель векторного авторегрессионного анализа К. Симса «и примкнувшего к нему» Т. Саржента – и успех обеспечен! Наверное, Нобелевской премии по экономике за 2011 г. суждено войти в историю как пример премии, выданной за **будущие** заслуги в развитии экономической науки.

«Зияющие высоты» эконометрической идеологии

Однако на этом «чудеса» с Нобелевской премией по экономике за 2011 г. не кончаются. Формально премия выдаётся Нобелевским комитетом, ответственным не только за отбор кандидатов, но и за составление соответствующего научного экспертного заключения, которые, таким образом, идут «в одном пакете»: данные экономисты заслуживают высшей награды по таким-то и таким причинам, которые и являются основанием для присуждения премии. Специалисты и представители широкой общественности могут оспорить положения и выводы экспертного заключения и на этом основании выразить сомнение в правомерности присуждения премии по причине несоответствия квалификационных характеристик лауреатов требованиям к премии. Обычно этим занимаются различного рода критики, ну, вроде автора данной статьи. Однако чтобы сомнения в обоснованности положений научной экспертизы высказывали

сами лауреаты – такого в истории Нобелевских премий, пожалуй, по экономике не наблюдалось с 1994 г., со времени присуждения её математику, профессору Принстонского университета Дж. Нешу, который заявил в своём интервью спустя десять лет, что он никаким экономистом не является, и всегда был «аутсайдером этой профессии» [22].

Проблемы с оценкой вклада двух лауреатов в развитие экономических знаний начались уже с тех коротких интервью, которые представитель Нобелевского комитета по традиции провёл с новыми номинантами сразу же после объявления о присуждении им премий. По сути, уже начиная с этих интервью профессор К. Симс постарался крайне политкорректно отмежеваться от своего коллеги Т. Саржента. С моей точки зрения, премия была присуждена в основном К. Симсу за разработку модели векторного авторегрессионного анализа и её приложений, а также последующих её модификаций. Т. Саржента «дали в нагрузку» именно по причине того, что он является профессором Нью-Йоркского университета и коллегой Н. Рубини (1959 г. рождения) по Экономическому факультету университета, дабы оттеснить «на второй план» всемирно признанного оракула – выходца из стран Ближнего и Среднего Востока, воспитывавшегося в Италии, который приехал в США только в 1983 году.

В своём научном экспертном заключении Нобелевский комитет чётко и ясно указал, что премия присуждается Т. Сарженту и К. Симсу за то, что они внесли «основополагающие вклады, позволившие исследователям конкретизировать, эмпирически внедрить и оценить динамические модели макроэкономики с центральной ролью в ней ожиданий» [21, р. 2]. Вопрос представителя Нобелевского комитета К. Симсу в его первом коротком интервью так и звучал: вам присудили премию за то, что «вы оба помогли вернуть людские ожидания в эконометрические модели и тем самым сделали их более точными?» [25]. (Вот пример чёткой и конкретной постановки вопроса о том, за что два американских профессора получили Нобелевскую премию, понятный любому неспециалисту). Однако К. Симс уклончиво ответил, что именно так Нобелевский комитет «охарактеризовал исследования Тома [Саржента]. Это не совсем соответствует тому, за что получил премию я. Его подход сводится к тому, что он начинает с модели экономики, хотя он не всегда придерживался этого подхода, а затем пытается приспособить её к данным и на этой основе проводит эксперименты. Я же обычно начинаю со статистической модели данных, затем осторожно добавляю экономические допущения до тех пор, пока не начинаю получать необходимые ответы» [25].

Этот ответ только на первый взгляд свидетельствовал о взаимной дополняемости исследовательских методик Т. Саржента и К. Симса, которые двигались «к золотой середине» с противоположных концов; из интервью К. Симса 2007 г. мы знаем, что его конфликт с основной массой американских макроэкономистов и проистекал от того, что они начинали свои исследования с макроэкономических, а не со статистических моделей. И ответы Т. Саржента на аналогичные вопросы короткого интервью представителя Нобелевского комитета только подтвердили факт глубоких расхождений между двумя лауреатами, хотя и выдержанными в политкорректных тонах. Сам же ответ был абсолютно «провальным», ибо вместо того, чтобы конкретизировать свои научные дости-

жения в изучении роли экспектаций в современной экономике – как и полагается американскому профессору – Нобелевский лауреат **дистанцировался** от них, словно речь шла о давно забытом предмете исследований, к которому и в настоящее время, и в прошлом (!) Т. Саржент имеет и имел весьма отдалённое отношение.

Характеризуя свой вклад в изучение проблемы экспектаций, Саржент дословно сказал: «То, что я пытался сделать – вычленить, если хотите, эту проблему – я даже не могу сказать, что сделал это самостоятельно (!!! – *B.V.*), нет, я не имею в виду, что основная заслуга в этом вопросе принадлежит мне – но я пытался использовать методы Джона Мута и Роберта Лукаса*, указавших, как надо исследовать эту проблему, которая действительно является важной, но аморфной... Во времена паники и кризиса всё сводится – вы знаете, что сейчас происходит в Европе с евро – всё сводится к экспектациям относительно того, что собираются делать другие люди. Итак, именно в этом направлении работает множество экономистов, и я в их числе». А вообще-то говоря, философски добавил Т. Саржент, «я принадлежу к числу “книжных червей”, которым просто нравится глядеть на числа и пытаться выяснить на их основе, что же происходит вокруг нас» [26]. Ответ, вполне достойный профессора-пенсионера, для которого стены Нью-Йоркского университета стали вполне надёжной защитой от всяких там финансовых бурь и потрясений, и который рассматривает свою научную деятельность на Экономическом факультете как своего рода разгадывание увлекательных кроссвордов «в рабочее время». Какие там экспектации финансово-экономических катастроф! Пусть этим Рубини занимается, он на 20 лет моложе, ему по большому счёту американское гражданство надо ещё «отрабатывать».

Однако основной «момент истины» наступил в декабре 2011 г. во время вручения премии и чтения новоиспечёнными лауреатами нобелевских лекций. Возможно, впервые в истории присуждения премий по экономике премия К. Симсу присуждалась – как отмечалось выше – «за будущие заслуги». Поэтому для К. Симса чтение нобелевской лекции явилось уникальной возможностью и рычагом, своего рода «маркетинговой трибуной» для внедрения разработанной им методики прогнозирования в повседневную деятельность ФРС и финансовых институтов других стран мира. В результате К. Симс «оторвался по полной». Свою лекцию он назвал **«Статистическое моделирование монетарной политики и её эффектов»**. Вот это название предельно точно отражает суть того, за что именно была присуждена Нобелевская премия по экономике за 2011 г. В методологическом плане идейное кредо К. Симса было представлено в виде последовательного набора слайдов, содержащих основные тезисы его понимания задач прогностического статистического моделирования в новых условиях, которые могут быть с известной долей осторожности названы

* Р. Лукас – лауреат Нобелевской премии по экономике за 1995 г., ученик и последователь М. Фридмана, один из самых ярких представителей Чикагской школы монетаристов. В 1981 г. Р. Лукас выпустил совместно с Т. Саржентом монографию, посвящённую экспектациям [8]. Понятно, что протекция Лукаса явилась важнейшим фактором присуждения Нобелевской премии Т. Сарженту.

как прогнозирование после финансового кризиса 2008–2009 гг., т.е. «посткризисное» прогнозирование.

Скандалность этой лекции состоит в том, что она представляет собой «внутреннюю разборку» просчётов и провалов не столько в статистическом обеспечении, сколько в самой проводившейся до самого последнего времени монетарной политике ФРС США. Отметим, что эта область сама по себе является узко специализированной, в которой достаточно хорошо разбираются только сами экономисты-монетаристы. Фундаментальная причина этого состоит в том, что механизм принятия решений в рамках ФРС носит, по сути, достаточно закрытый характер, и даже согласно действующему американскому законодательству в своих решениях ФРС не подотчётна никому, в том числе ни президенту, ни Конгрессу. Руководство ФРС информирует их по факту принятых решений, и потому лекция К. Симса будет проанализирована и с этой точки зрения.

Применительно к заявленному Нобелевским комитетом вкладу лауреатов в развитие системы экономических знаний – в разработку теории экспектаций – ошарашенные (не побоюсь этого слова. – *В.В.*) слушатели не без удивления узнали, что ***на протяжении последних примерно 30 лет ничто не нанесло большой ущерб научным основам монетарной политики США, в том числе и применявшимся ФРС методикам прогнозирования, чем теории экспектаций, разработанные Лукасом, Саргентом, Уоллесом и другими экономистами.***

Теориям экспектаций был посвящён специальный раздел лекции. По Симсу, вышеупомянутые экономисты построили свои теории на следующих постулатах: во-первых, о том, что «поведение творцов политики как в части системных, так и непредсказуемых элементов, представляет собой составную часть общей среды, в которой осуществляют свои действия все лица, ответственные за разработку и реализацию экономической политики», и, во-вторых, на постулате, согласно которому «по этой причине экономические модели должны включать компонент, содержащий модель поведения лиц, принимающих политические решения, а также признающий, что этот компонент оказывает влияние на поведение частного сектора». По Симсу, эти два постулата коренились «в общей главной уязвимости крупных кейнсианских моделей и в монетаристских регрессиях» [24, slide 22].

Следующий слайдовый раздел лекции К. Симса, посвящённый теориям экспектаций, назывался просто и незамысловато: «Пагубное влияние рациональных экспектаций». В чём же конкретно проявилось пагубное влияние теории экспектаций на монетарную политику США? По Симсу, «повседневные действия и решения творцов политики, трансформируемые в значения переменных, используемых в моделях, которые можно было контролировать, являются несущественными и не представляют собой той сферы, которая требует советов экономистов, или одновременно являются и тем и другим». В итоге «эти академические экономисты, которые, подобно Кейнсу, теряли самообладание, сталкиваясь с растущей сложностью моделей разработки и принятия политических решений, легко находили себе оправдание в том, чтобы не утруждать себя углублённой разработкой моделей подобного рода» [24, slide 23].

Именно по этой причине прогностические модели, применявшиеся ФРС и другими финансовыми институтами, в том числе международными, такими как МВФ, и оказались неспособными своевременно «детектировать» мировой финансовый кризис 2007–2008 гг. «Крах 2008 г. и его последствия научили нас, что в наших моделях могут иногда иметь место очень крупные ошибки, называемые “шоками”, которые вызывают очень серьезные последствия». Это является, как не преминул указать Симс, органическим пороком «большинства использовавшихся моделей, даже несмотря на то, что составление статистических выборок на основе исторических данных очевидным образом показывает, что подобного рода крупные шоки имели место в прошлом, как это произошло в 1930-е годы, а впоследствии повторилось и в 2008–2010 гг.» [24, slide 34].

В заключительной части своей нобелевской лекции Симс вынес окончательный приговор «вредительской деятельности» академических экономистов, усердно трудившихся на ниве разработки теории экспектаций в 1970-е и 1980-е годы в США: «Весьма примечательно, как быстро и основательно угас интерес в академических кругах к разработке серьезных вероятностных моделей разработки монетарной политики после так называемой “революции” рациональных экспектаций» [24, slide 38].

Необходимо при этом отметить, что в 1995 г. именно Р. Лукасу была присуждена Нобелевская премия за разработку теории экспектаций, или как её тогда называли «теории рациональных экспектаций». В оценке Нобелевского комитета вклад «экономического революционера» Р. Лукаса в развитие теории экспектаций оценивался следующим образом: «Первая точная формулировка гипотезы рациональных экспектаций была дана Джоном Мутом в 1961 г. Однако большого развития эта гипотеза не получала вплоть до 1970-х годов, когда Лукас распространил её на всю экономику. В серии прорывных статей Лукас показал далекоидущие последствия формирования системы рациональных экспектаций, особенно в части последствий экономической политики и их оценки при использовании эконометрических методов, т.е. статистических методов, специально приспособленных для оценки экономических отношений» [23].

Если у читателей голова ещё «не пошла кругом» от всей этой «шаманизации» в деятельности Нобелевского комитета в части, ответственной за присуждение премий по экономике, то они, наверное, будут правы, или, во всяком случае, недалеко от истины, если придут к выводу, что премия и была «хитро скомпонована» как некая весьма политкорректная попытка «отмазаться» от Нобелевских премий, выданных в прошлом представителям Чикагской школы экономики. Тот факт, что мировой финансовый кризис показал полное идейное банкротство чикагских монетаристов, начиная от М. Фридмана и кончая всеми его современными последователями, – это теоретическое объяснение финансового кризиса было «у всех на слуху», поскольку было растиражировано ведущими мировыми СМИ (см., в частности [12]). Правда, «подстава» Т. Саржента была выдержана в духе классического блокбастера про двойных и тройных агентов – в качестве моральной компенсации за причинение ущерба его репутации он тоже получил Нобеля, что является ещё одним аргументом, играю-

щим на руку растущему хору голосов, критикующих эту премию как «анти-научную» в самом буквальном смысле этого слова.

Эконометрические «разборки» прошлых лет

Ради справедливости следует сказать, что именно присуждение Нобелевской премии экономистам, разрабатывавшим теории рациональных экспектаций, и является главным запутывающим фактором во всей этой проблематике. По сути, Нобелевский комитет «вывалил» на головы широкой – и неподготовленной – публики «стенограммы» академических дебатов конца 1970-х – начала 1980-х годов, которые в тот период были достоянием достаточно узкого круга специалистов, всё тех же Р. Лукаса, Т. Саржента и К. Симса. Именно тогда они и сформулировали базовые положения своих позиций, которые в принципе мало изменились за последние 30–35 лет.

В 1970-е годы теория рациональных экспектаций явилась одной из первых изданий теорий свободного рынка, или свободного рыночного хозяйства. В тот период хитроумное идейное наступление экономистов-рыночников приняло форму теории «рациональных экспектаций», и её смысл состоял в том, что если все (или максимально большое число) участников экономических взаимоотношений будут придерживаться рыночной идеологии и не станут полагаться на государственную поддержку, то тогда и будут проявлять себя в полной мере «достоинства» рыночного механизма. Как справедливо отметил отечественный исследователь А. Худокормов, «устойчивые стереотипы мышления, получившие широкое распространение в общественной психологии, не только отражают мир хозяйственных явлений, но и в какой-то мере формируют, творят его. Экономические ожидания людей постепенно становятся ещё одним сознательным регулятором экономики наряду с традиционным рыночным или государственным регулированием» [3].

Принципиально важной в этом плане является позиция Р. Лукаса: «Не мешайте рынку, и он сам всё и образует в экономике!», которую он занял в 1976 г. [8]. Основываясь на разработанной им теории рациональных экспектаций, Лукас заявил о том, что центральные банки, в данном случае ФРС, не должны уделять большого внимания прогнозированию «статистических связей между экономическими параметрами при формировании экономической политики» [11, р. 73]. За давностью лет исходная причина этой позиции оказалась практически забытой, однако она носила не статистический, а сугубо идеологический характер. В 1970-е годы теория рациональных экспектаций явилась одной из первых изданий теорий свободного рынка, или свободного рыночного хозяйства. По сути позиция Лукаса предполагала сворачивание активности государства, в том числе и ФРС, на соответствующих сегментах рынка, и в результате возникало одно явление парадоксального свойства – чем меньше органы государственного регулирования «знали» о рынке, тем меньше у них было стимулов – и оснований – для вмешательства в «саморегулирующийся рыночный механизм».

Против этой позиции Лукаса активно выступил один из ведущих американских эконометриков в тот период К. Симс, который уже тогда предстал в

роли «лоббиста» эконометрического сообщества США: эконометрики прекрасно поняли, что если государство потеряет интерес к моделям статистического прогнозирования экономики, то это будет означать сворачивание финансирования соответствующего направления научных исследований со всеми вытекающим отсюда последствиями для престижа и позиций «ниши» профессиональных эконометриков. В 1980 и 1982 г. К. Симс написал две мощные статьи о необходимости всемерного развития статистического моделирования, в которых чётко и недвусмысленно заявил о том, что «крупномасштабные модели действительно полезны для целей прогнозирования и анализа, несмотря на проблему кажущейся невозможности идентифицировать ряд параметров; ограничения, возникающие при обычных способах идентификации, не существенны при построении самой модели и не являются непреодолимыми; существуют и другие способы идентификации, которые можно применить на практике» [15, р. 1]*. Весьма показательно, что статья 1980 г. была написана при поддержке гранта Национального научного фонда США. Короче – работать надо, а не вести пустопорожние разговоры о «нужности» и «ненужности» моделей статистического обеспечения экономической политики США.

«Верный ученик и продолжатель дела» Лукаса Т. Саржент в споре последнего с Симсом занял соломонову позицию: «И ты, Роберт, прав, и ты, Кристофер, не ошибаешься». Общий смысл её был прост: несмотря на теоретическую правоту Лукаса, работы в направлении создания прогностических статистических моделей обеспечения экономической политики можно и нужно продолжать – авось, дадут со временем какие-нибудь интересные результаты. В своей статье 1984 г. он так и написал: «Тем не менее, моя собственная реакция на все те сложные исследовательские проблемы, которые были обозначены в статьях Симса, сводится к тому, что эти исследования надо продолжать, сочетая теорию рациональных экспектаций и эконометрику», в результате чего «экономисты в будущем узнают много интересных и полезных вещей» [13, р. 414]. Спустя 25 лет мы все узнали, как выглядят и как называются эти «полезные и интересные вещи»: мировые финансовые катаклизмы! Вот уж воистину – и полезно, и интересно!

Вялая реакция Саржента на присуждение ему Нобелевской премии, возможно, имела и другие, сугубо «метафизические» основания. При анализе исследовательских вкладов в развитие научных знаний Саржента и Симса не следует думать, что речь идёт о «плохом эконометрике» Сарженте и «хорошем эконометрике» Симсе. Проблема состоит совсем в другом, и именно она предопределила провал всех попыток внедрения прогностических статистических моделей в практику ФРС в прошлом и будет предопределять их и в будущем. В своей статье 1984 г. Саржент очертил её предельно чётко.

Проблема внедрения научных методов разработки и реализации экономической политики государства, в том числе монетарной политики ФРС, только на первый взгляд связана и обусловлена выбором соответствующих методик и моделей. На практике она предполагает **изменение всего механизма принятия решений на высшем государственном уровне**, и сводится к тому, что руково-

* Эта позиция К. Симса была повторена и в его последующей статье [15].

дящие посты в узком кругу принятия Совета управляющих той же ФРС должны занимать сами эконометрики и узкие специалисты вроде Симса. Это сочетание экспертных знаний и властных полномочий и является центральной проблемой любых направлений экономической политики, будь то монетарная или фискальная.

Это можно чётко показать на примере карьеры К. Симса. Выпускник Гарвардского университета, а затем преподаватель экономики и старший преподаватель того же университета, доцент и затем профессор экономики Миннесотского университета, профессор экономики Йельского университета, профессор экономики Принстонского университета с 1999 г. по настоящее время. Начиная с 1983 г. – консультант Федерального резервного банка Миннеаполиса (в 1983, 1986–1986 гг.) и Федерального резервного банка Атланты (с 1995 г. и по настоящее время), советник Федерального резервного банка г. Нью-Йорка (в 1994–1997 гг., и с 2004 г. по настоящее время), советник Федерального резервного банка Филадельфии (в 2000–2003 гг.) и советник МВФ (с 2003 г. по настоящее время). Перефразируя самооценку Дж. Нэша, можно однозначно сказать – типичный аутсайдер ФРС США, которого, по всей видимости, никогда и близко не подпускали к принятию стратегических решений по вопросам монетарной политики США. За что дали Нобелевскую премию – тоже понятно: вот за это самое консультирование и дали, а отнюдь не за то, что «двигал науку» в башнях из слоновой кости, сооружённых в Гарварде, Миннеаполисе, Йеле или Принстоне (это пусть неопиты так думают!).

В ещё большей степени типичным академическим профессором является Т. Саргент, у которого в послужном списке значится, что он был лишь советником Федерального резервного банка г. Миннеаполис в 1971–1987 гг. (при финансовой поддержке которого и осуществлялась разработка теории рациональных экспектаций). По всей видимости, эта изначальная отдалённость Саргента от ведущих финансовых центров США и позволила ему в 1984 г. прозорливо указать на то, что научное обеспечение экономической политики США упирается не в эконометрику рациональных экспектаций и не в специфику параметров векторной авторегрессии, а в то, как «в действительности ведёт себя правительство. Предложенный Симсом метод понимания направленности экономической политики, проводившейся правительством в прошлом, не даёт возможности усовершенствовать её в будущем» [13, р. 413], поскольку, по сути, он исходит из представления о «бесконечно долго живущем правительстве, которое выбирает из среды бесконечно долго живущих “режимов экономической политики”» [13, р. 412].

Как подчеркнул Саргент, мы имеем дело с правительством, состоящим из «прерываемой во времени цепи действующих лиц с конечным сроком деятельности на занимаемой должности», иными словами с периодически сменяемыми друг друга «администрациями, каждая из которых не может обязать своих преемников» следовать проводившимся ею курсом экономической политики. Реальность состоит в том, что «государственная экономическая политика формируется в результате смены конкретных лиц в сменяемых друг друга администрациях, каждая из которых не имеет возможности влиять на своих преемников». В ситуации подобного рода, как указал Саргент, «нет необходимо-

сти выбирать режим экономической политики раз и навсегда. Вместо этого государственная экономическая политика всегда будет являться разновидностью стохастического процесса, определяемого целенаправленным поведением временной иерархии действующих лиц, каждое из которых оказывает влияние или контролирует только ограниченные периоды во время своего пребывания у власти» [13, р. 412].

Свою лекцию Симс построил на безупречно прочном «нобелевском» фундаменте, представив свои изыскания как логическое продолжение работ первого нобелевского лауреата по экономике Я. Тинбергена (Голландия), удостоенного премии в 1969 г. за разработку и применение математических динамических моделей в анализе экономических процессов, и норвежского эконометрика Т. Хаавелмо, удостоенного премии в 1989 г. за использование методов вероятностного анализа в эконометрических исследованиях и за анализ параллельных экономических структур. Присудив премию эконометрикам (вместе с Я. Тинбергеном её получил норвежский эконометрик Р. Фриш), Нобелевский комитет тем самым отдал приоритет математической экономике и эконометрике как формам объяснения «феноменов реального мира». Однако с течением времени, и по мере присуждения премий всё большему числу экономистов за математические и эконометрические исследования среди представителей других социальных наук постепенно стало крепнуть убеждение, что сведение сложнейших феноменов общественной жизни к математическим формулам, их математизация изначально порочна.

В настоящее время многие исследователи всё чаще приходят к твёрдому выводу о том, что «основная проблема с социальными теориями, построенными на математической основе, коренится в их полной оторванности и безразличии к специфике человеческих действий и поступков. Взятые сами по себе, абстрактные математические категории вообще не могут давать представление о направленности человеческих поступков в реальном мире, которая, как и последствия различных видов действий, в принципе не могут быть сведены к математическим формулам и символам. Кроме того, формальный математический анализ может оборачиваться потерей очень важных знаний» [6, р.6].

Рассмотрение эволюции статистического моделирования, основанного на векторном авторегрессионном анализе, который Симс совершенствовал на протяжении последних 35–40 лет, является прекрасной иллюстрацией этого тезиса: чем в большей степени с математической точки зрения усложнялась его модель, тем – как это не парадоксально звучит – дальше Симс оказывался от «реальности» финансово-экономического мира, что убедительно и доказал мировой кризис, обрушившийся в 2008 г. Пусть ФРС и другие финансовые институты, консультантом и советником которых был Симс, в слабой степени использовали в своей практической деятельности его разработки, но что мешало **самому** Симсу встать в один ряд с Н. Рубини и Р. Шиллером и начать громогласно говорить о надвигающейся на мир финансово-экономической катастрофе?

«Соединённые Штаты тогда и сегодня», или какую формулу знали Дж. Вашингтон и А. Гамильтон?

Роль «свадебного генерала» в Нобелевской премии по экономике в декабре 2011 г. поставила Саржента в исключительно сложное положение, когда надо было доложить «мировому экономическому сообществу» о фундаментальном вкладе в развитие экономических знаний. «Визитная экономическая карточка» Саржента была хорошо известна и до присуждения ему премии: второй номер в «революции рациональных экспектаций» после Лукаса. Расклад перед произнесением нобелевской речи был предельно прост: во-первых, за разработку этой теории в 1995 г. премия была уже присуждена Лукасу; во-вторых, теория была «разгромлена» в лекции Симса, о содержании которой тот естественно заранее проинформировал своего давнего знакомого и коллегу. Пуститься в прелюдные дебаты с Симсом? Или, в-третьих, начать «поправлять» Нобелевский комитет, пытаясь найти что-то из своего творческого наследия и представить его в качестве фундаментального вклада? По всей видимости, других наработок в идейном багаже Саржента не было, и он волей-неволей был вынужден импровизировать. В любом случае премию за 2011 г. надо было «актуализировать»: весь 2011 г. Европу сотрясал кризис «суверенных долгов» отдельных стран-членов Евросоюза, весной – летом США пережили острейший политический кризис, вызванный проблемой повышения потолка долга федерального правительства, который в августе обернулся снижением кредитного рейтинга страны за всю семидесятилетнюю историю его исчисления агентством «Стэндрт энд Пурс».

Нобелевская импровизация Саржента, озаглавленная им «Соединённые Штаты тогда, Европа – сегодня», возможно, заслуживает отдельного приза, который я бы определил так: «За профанацию экономических знаний и категорий». Саржент выступал до Симса – по английскому алфавиту. Лекции предшествовало короткое, на шесть минут, выступление профессора. П. Крусселя, председателя Нобелевского комитета, ответственного за присуждение премий по экономике. Не зная и даже не подозревая, о чём собирается говорить Саржент, Круссель просто пересказал основные положения октябрьского пресс-релиза, который назывался очень просто – **«Искусство установления различий между причиной и следствием в макроэкономике»**. Практическая значимость исследований Саржента суммировалась на грани искусства возможного: «Каким образом временные изменения в процентных ставках или снижения налоговых ставок влияют на ВВП и инфляцию? Что происходит, когда центральный банк страны вносит постоянные изменения в инфляционный ориентир своей монетарной политики или когда правительство изменяет показатель бюджетного сальдо? Лауреаты Нобелевской премии этого года Томас Дж. Саржент и Кристофер А. Симс разработали методы ответа на эти и многие другие вопросы, имеющие отношения к причинно-следственным связям между экономической политикой и различными макроэкономическими показателями, такими как ВВП, инфляция, занятость и инвестиции» [27, р. 1].

Круссель задал категориальные параметры – подчёркиваю, речь идёт только о параметрах и показателях, – которыми, по всей видимости, и должен был оперировать (или если хотите – жонглировать) выступающий. При этом привязанность к текущему моменту была очевидной – все ждали ответов на злободневные вопросы сегодняшнего дня. Так чем же ответил Саржент? Его ответ следует оценивать в двух ипостасях – в видеозаписи его лекции и в виде её письменного варианта, который Саржент выставил в начале января 2012 г. на собственном личном сайте. По всей видимости, «разбор полётов» показал Сарженту (может быть помог Симс) – всё-таки Нобелевский лауреат как-никак, должна быть элементарная смысловитость, – что он наговорил столько глупостей в Стокгольме, что их как-то надо срочно и оперативно «замазывать»

Вся лекция Саржента была посвящена исключительно фискальной истории США в период с 1780-х до 1840-х годов; ситуация, складывавшаяся в США в тот период, как он отметил, несколько напоминает ему ситуацию, сложившуюся в настоящее время в Евросоюзе. Последний тезис был выражен в самой общей форме без привлечения каких-либо количественных данных и показателей. В резюме к письменному варианту лекции, подготовленному самим Саржентом, дословно говорилось: «Согласно Статьям Конфедерации, центральное правительство США имело ограниченные возможности по сбору налогов. Поэтому ценные бумаги, выпущённые для погашения огромных долгов, аккумулированных во время Войны за независимость, продавались с огромными скидками. Именно это обстоятельство определило характер фискального кризиса в США, возникшего в 1780-х годах. Политическая революция – а именно она в конечном счёте привела к тому, что Статьи Конфедерации были заменены Конституцией США – разрешила этот финансовый кризис путём перераспределения полномочий по сбору таможенных пошлин с властей штатов на федеральное правительство. Конституция и законы, принятые Конгрессом первого созыва в августе 1790 г., наделили последний полномочиями по резкому увеличению сбора налогов для обслуживания огромного государственного долга. В 1790 г. Конгресс провёл масштабную программу выкупа долгов штатов, которая явилась частью тонкой стратегии, которая превратила кредиторов штатных долгов в адвокатов масштабного федерального налогообложения. Эта акция по спасению финансов штатов породила завышенные expectativas относительно возможных будущих аналогичных акций федерального правительства, которые не оправдались развитием событий в начале 1840-х годов. Некоторые аспекты ранней истории США и произведённые в тот период изменения в фискальной политике напоминают мне текущую ситуацию в Европейском Союзе» [13, p. 1].

Я не могу не сделать вывода о том, что в каждом экономисте-рыночнике (равно как и в каждом финансисте) «окопался» жулик и мошенник. Я не случайно процитировал выдержку из пресс-релиза Нобелевского комитета – «каузальность, ВВП, инфляция, занятость, инвестиции, центральный банк, процентные ставки», но чтобы «на эту подачу» в качестве ответа «подсунуть» Конституцию США – как сказал бы Воланд, «это не каждому дано». Я внимательно посмотрел список научных трудов Саржента на 10 страницах машино-

писного текста, составленный им самим и выставленный на его личном сайте – у него практически нет работ по фискальной политике США*, поскольку он на 100% является экономистом-монетаристом и эконометристом.

Однако на этом увлечённость приматом рыночных отношений и пренебрежение к роли государства в жизни общества не кончаются. Вся эта сравнительная аналогия Саржента была построена на имплицитно подразумеваемой формальной логике и может быть описана уравнением:

Соединённые Штаты Америки = Соединённые Штаты Европы (ЕС).

Возможно, лидеры ЕС и мечтают с течением времени превратить ЕС в СШЕ, но эти вопросы имеют отношение к проблемам государственного устройства и строительства, однако как можно в принципе сравнивать федеративное государство США, каким оно было изначально, с современным ЕС, который является конфедерацией независимых и самостоятельных государств?! Эта область исследования государствоведов, политологов, и тут можно просто сказать, что у Саржента по проблемам государственного строительства вообще нет ни одной работы – это не его область специализации. Здесь можно просто указать, что США по своей сути – это **союз территорий** (достаточно взглянуть на карту США и увидеть «нарезанные» квадратики, образующие страну), в то время как современная Европа – это **союз государств-наций**, и наличие языковых и культурных барьеров и различий является и всегда будет являться непреодолимым препятствием на пути превращения ЕС в СШЕ. А вот сама попытка экскурса Саржента в эту область является прекрасной иллюстрацией мысли Хайека, которую он высказал в своей нобелевской лекции 1974 года.

Второе замечание касается собственно проблемы макроэкономических сравнений, тем более, что Саржент является автором многих учебников по этому предмету. Как вообще можно сравнивать макроэкономику аграрных США конца XVIII – начала XIX века с макроэкономикой современного Евросоюза, в основе которой лежит система национальных экономических счетов, которая стала достоянием экономистов и эконометристов только в середине прошлого столетия? С макроэкономической точки зрения это абсолютно несопоставимые объекты именно по причине фундаментально разных уровней развития экономического и научно-технического потенциалов, которые и предопределяют совершенно разное контекстное значение показателей социально-экономического развития различных стран в тот период и в настоящее время. В результате из внимания экономиста-монетариста Саржента, пустившегося в рассуждения о специфике современного европейского монетарного союза и «монетарного союза» американских штатов конца XVIII – начала XIX века, выпал такой финансовый институт, как ... Центральный банк: в США вплоть до 1913 г. вообще не было Центрального банка (ФРС), а в основе современного кризиса «суверенных долгов» в Европе, деноминированных в ев-

* Основные работы по бюджетному дефициту относятся к 1980-м годам и помещены в раздел «Журнализм»: Confrontations Over Deficits // New York Times. August 12, 1983; Back to Basics on Budgets // New York Times. August 10, 1983; Interpreting the Reagan Deficits // Quarterly Review. Federal Reserve Bank of San Francisco. Fall 1986.

ро, и лежит проблема функционирования и дальнейшей эволюции деятельности Европейского Центрального банка (ЕЦБ), созданного в 1998 году.

Попутно вообще можно отметить, что «фискальный союз» американских штатов – это просто проблема эволюции и установления отношений в рамках консолидированного государственного бюджета, имеющего три уровня – федеральный, штатный и местный. По всей видимости, при разборе положений произнесённой им в Стокгольме речи Сарженту «указали» на совершённые им «студенческие» ошибки, поэтому в её письменном тексте пришлось судорожно дописывать, что «США создали свой фискальный союз в те времена, когда подавляющая часть нашего народа жила и работала на фермах и когда значительное меньшинство населения составляли рабы. Люди были гораздо беднее тогда, чем сейчас.

Федеральное правительство было небольшим и перераспределяло только небольшую часть ВВП. В первые два десятилетия мирного времени с момента образования США федеральные расходы в среднем составляли от 1 до 2% ВВП, и в начале 1790-х годов федеральное правительство выделяло 40% всего объема собираемых налогов на обслуживание своего долга» [14, p.29]. Давать оценку современной социально-экономической ситуации по этим макроэкономическим параметрам в странах Евросоюза, думаю, нет смысла, но эта пространная цитата из самого Саржента, думаю, убедит любого читателя, что вся его нобелевская лекция на тему «США тогда = Европа сегодня» – это просто ирония над аналитикой современных макроэкономических исследований.

Впрочем, лекцию Саржента «по умолчанию» можно трактовать и как попытку ухода от решения всё более обостряющейся проблемы долговой задолженности и самих США, и многих европейских стран, а также Японии – проблемы, решение которой даже ведущие представители западной экономической науки в настоящее время в принципе предложить не могут. Даже если взять формальный, вырванный из исторического контекста, показатель долговой зависимости США с 1780-х до 1820-х годов, которым «жонглировал» Саржент, и сравнить его с текущими показателями долговой зависимости США и ряда других промышленно развитых стран, то выяснится, что в тот период американской истории, который Саржент охарактеризовал как катастрофический – канун политической революции, ситуация с долгами выглядела куда как лучше, чем в настоящее время. Соответствующие сравнительные данные приведены в таблице.

Проблема растущей долговой зависимости и сводится к тому, каким образом США и другие промышленно развитые страны, вплотную приблизившиеся или даже превысившие «магический рубеж» соотношения государственного (федерального) долга и ВВП, равного 100%, собираются погашать (или списывать) его. Существуют два основных направления (или, если хотите, модели) погашения долга федерального правительства. Первый предполагает постепенную расплату по долговым обязательствам, которая не затрагивает стабильности национальной валюты, второй – его списание через девальвацию национальной валюты, короче говоря, через превращения национальной валюты из «твёрдой» в «мягкую». Исторически, США всегда следовали первому пути, а вот Европа традиционно отдавала предпочтение второму направлению,

Таблица

**Сравнительная характеристика долговой зависимости США
в 1790-е – 1820-е годы и долговой зависимости ряда ведущих стран мира
в настоящее время, % ВВП**

США в конце XVIII – начале XIX века		Страна	2010 г.
1790 г.	40%	США	102%
1795 г.	20%	Канада	85%
1800 г.	17%	Япония	220%
1805 г.	14%	ЕС в целом, в том числе:	80%
1810 г.	8%	Австрия	>70%
1815 г.	10%	Бельгия	≈100%
1820 г.	13%	Великобритания	85%
<i>Sargent T. United States then, Europe now. January 6, 2012. P. 41 (homepage at the New York University website).</i>		Франция	>80%
		ФРГ	>80%
		Италия	120%
		Испания	60%
		Греция	140%
		Португалия	>90%
		Ирландия	95%

IMF. World Economic Outlook Database, September 2011. Public Debt
(<http://www.imf.org/OECD.StatExtracts>). *General Government Debt: Total central government debt, % GDP* (<http://www.oecd.com>).

и в этом смысле современный долговой европейский кризис ничего нового из себя не представляет – даже введя евро, Европа вновь попала в традиционный «монетарный капкан», и оказалась перед необходимостью проведения денежной реформы для решения проблемы суверенных долгов – либо путём возврата стран-должников к «мягким» национальным валютам, либо путём понижения степени конвертируемости евро, и введения дифференцированной евровалюты – «евро I», «евро II» и т.п.

В заключение мне хотелось бы, однако, сказать о другом. Стокгольмская импровизация Саржента дала удивительный побочный результат – сам того не желая, он показал всю порочность теории рациональных экспектаций применительно к системе федеральных финансов (Симс сделал это в отношении монетарной политики), поскольку у него не было времени хорошо продумать «каузальность» его выкладок и доводов. В ходе лекции и в её письменном варианте Саржент прибег, как ему показалось, к оригинальному трюку: он распространил на долговую ситуацию США в начальном периоде их истории положения собственной теории рациональных экспектаций, пытаясь возможно как-то реабилитировать её. Он привёл «экспектационную» формулу денежной оценки государственного долга США в том период:

$$b_t = \sum_{j=0}^{\infty} R^{-j} E_{t-1} s_{t+j}.$$

и пафосно заявил: «Джордж Вашингтон (первый президент США. – В.В.) и Александр Гамильтон (первый министр финансов США. – В.В.) знали её!» Из дальнейших рассуждений вытекало, что именно имплицитное знание на интуитивном уровне этой формулы и помогло высшему политическому руководству страны успешно решить проблему их долговой зависимости в начальный период истории.

При составлении письменного варианта своего выступления в Стокгольме Саргент решил естественно дополнить её соответствующим научным аппаратом и подкрепить теорию рациональных экспектаций, спроецированную на фискальную политику, ссылкой на работы своих предшественников, основополагающей из которых была хорошо известная ему статья Лукаса 1983 г. [10] («успел и здесь отметить основоположник теории рациональных экспектаций!»). Модель Лукаса была впоследствии развита в работах других американских исследователей в 1994 и 1997 гг. [5, 7]. И вот тут, не будучи искушённым специалистом в области «фальсификации истории», Саргент и подвёл своих коллег экономистов-рыночников «под монастырь»: «На основе этих моделей правительствам обычно даются советы объявлять дефолт по всем первоначально накопленным государственным долгам (**вот они теоретические истоки августовского дефолта 1998 г. в России! – В.В.**), поскольку тем самым практически не затрагивается система налогообложения, в том числе и налогообложение капитала. Другие революционные правительства также следовали этой практике, но только не отцы-основатели Америки. Они с самого начала возникновения нашего государства установили основополагающий принцип нашей фискальной политики – “договор есть договор”, во всяком случае в той её части, которая касается обязательств государства по отношению к своим кредиторам, а также и по отношению к налогоплательщикам» [14, р. 17].

Боже, как же повезло Америке в XVIII веке с её вошедшими во все исторические анналы отцами-основателями, которые не знали никаких других формул, кроме как “*deal is a deal*”, и какую участь уготовили США в XXI веке её эконометристы и математические экономисты, которые внесли немалый вклад в то, что страна оказалась на краю финансовой пропасти и банкротства!

Список литературы

1. *Васильев В.С.* Эсхатологический взгляд на ход экономических процессов. // США ❖ Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 5. С. 47–68.
2. *Васильев В.С., Роговский Е.А.* Экономическая система общества и национальная безопасность. // США ❖ Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 11. С. 3–26.
3. *Худокормов А.Г.* Экономическая теория: Новейшие течения Запада. М.: ИНФРА-М, 2011. 416 с.
4. *Friedrich August von Hayek.* Banquet Speech. December 10, 1974. Prize in Economic Science (<http://www.nobelprize.org>).
5. *Chari V., Christiano L., and Kehoe P.* Optimal Fiscal Policy in a Business Cycle Model // Journal of Political Economy. 1994. No. 102 (4). P. 617–652.
6. *Gertchew N.* The Economic Nobel Prize // Libertarian Papers. 2011. Vol. 3. No. 9. P. 1–17.

7. *Jones L., Manuelli R., and Rossi P.* On the Optimal Taxation of Capital Income // *Journal of Economic Theory*. 1997. No. 73 (1). P. 93-117.
8. *Lucas R.* Econometric Policy Evaluation: A Critique // *Carnegie Rochester Conference Series on Public Policy*. 1976. No. 1. P. 19-46.
9. *Lucas R. and Sargent Th.* Rational Expectations and Econometric Practice. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981.
10. *Lucas R. and Stokey N.* Optimal Fiscal and Monetary Policy in an Economy without Capital // *Journal of Monetary Economics*. 1983. No. 12 (1). P. 55-93.
11. *Ólafsson Th.* Developments in monetary economics and central bank practice // *Monetary Bulletin*. 2006. No. 3. P. 71-88.
12. Peterson Institute for International Economics. Peterson Perspectives. Interviews on Current Topics. Is the «Chicago School» to Blame in the Economic Crisis? Recoded 14.10.2009 (<http://www.iie.com/publications/.../pp20091014mussa>).
13. *Sargent Th.* Autoregression, Expectations, and Advice // *The American Economic Review*. May 1984. Vol. 74. No. 2. P. 408-415.
14. *Sargent Th.* United States then, Europe now. 6.01.2012. 42 p. (Homepage at the New York University website).
15. *Sims K.* Macroeconomics and Reality // *Econometrica*. January 1980. P. 1-48.
16. *Sims K.* Policy Analysis with Econometric Models // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1982. No. 1. P. 107-164.
17. *Sims K.* Are Forecasting Models Usable for Policy Analysis? // *The Federal Reserve Bank of Minneapolis. Quarterly Review*. Winter 1986. Vol. 10. 16 p.
18. *Söderbaum P.* On the 'Nobel Prize in Economics' and the Monopoly of Neo-classical Theory at University Departments of Economics. February 12, 2010 // *Real-World Economics Review Blog*.
19. *Sorkin A.* Too Big to Fail. N.Y.: Viking, 2009. xx + 660 p.
20. The Federal Reserve Bank of Minneapolis. Interview with Christopher Sims. The Princeton Economist on Inflation Targets, Vector Autoregression and the Importance of Monetary Policy // *The Region*, June 2007.
21. The Royal Swedish Academy. Scientific Background on the Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2011. Empirical Macroeconomics Compiled by the Economic Sciences Prize Committee of the Royal Swedish Academy of Sciences. October 10, 2011. 39 p. (<http://www.nobelprize.org>).
22. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 1994. John C. Harsanyi, John F. Nash Jr., Reinhard Selten. Interview with John Nash. (29 minutes). September 1-4, 2004 (<http://www.nobelprize.org>).
23. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 1995. Robert E. Lucas Jr. Press Release. October 10, 1995 (http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/1995/press.html).
24. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2011. Thomas J. Sargent, Christopher A. Sims. «Christopher A. Sims – Prize Lecture: Statistical Modeling of Monetary Policy and its Effects». Nobelprize.org. January 2012. 39 slides (http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/2011/sims-lecture.html).

25. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2011. Thomas J. Sargent, Christopher A. Sims. Interview. Telephone Interview with Christopher A. Sims Immediately Following the Announcement of The 2011 Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel. October 10, 2011 (<http://www.nobelprize.org>).
26. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2011. Thomas J. Sargent, Christopher A. Sims. Interview. Telephone interview with Thomas J. Sargent Immediately Following the Announcement of The 2011 Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel. October 10, 2011 (<http://www.nobelprize.org>).
27. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2011. Thomas J. Sargent, Christopher A. Sims. The Prize in Economic Sciences 2011. Information for the Public. 5 p. (<http://www.nobelprize.org>).
28. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2011. Thomas J. Sargent, Christopher A. Sims. Interview with Thomas J. Sargent and Christopher A. Sims (35 minutes). December 6, 2011 (<http://www.nobelprize.org>).